

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ОСТРОВНЫХ ГОВОРОВ

М. СИВИЦКЕНЕ

Вопросы изучения так называемых изолированных, или островных, говоров занимают важное место при выяснении проблем двуязычия и взаимодействия языков и диалектов. Изучению островных говоров русского и других языков уделяется все больше и больше внимания. Десятками исчисляются диссертационные работы, еще более многочисленны статьи, посвященные этой тематике¹. Особенно их число увеличилось за последнее десятилетие. Среди них имеются исследования по русским говорам не только в иноязычной среде, но и в ино- и разнодиалектной среде².

Количество и содержание таких работ, а также интерес к ним требует выдвижения целого ряда обобщений теоретического и методического характера, связанных со спецификой изучаемых вопросов. Безусловно, этого нельзя сделать в небольшой статье, в которой мы хотим лишь затронуть некоторые вопросы этого плана.

При исследовании говора какого-нибудь языка в иноязычной среде встают иные задачи, чем при исследовании говора „на континенте“, и задачи эти более разносторонни. Здесь можно выделить следующие группы вопросов, требующих всестороннего разрешения:

¹ Назовем здесь некоторые из таких работ: А. Я. Микиртуня, Говоры русских переселенцев в Азербайджанской ССР, Москва, 1952; С. Б. Тошьян, Русские говоры в Армянской ССР, Москва, 1954; М. А. Брицын, Русские говоры Виньковецкого р-на Хмельницкой области, Киев, 1954; З. П. Здобнова, Русские говоры на восток от Средней Вятки (западные районы Центральной Удмуртии), Казань, 1955; В. И. Столбунова, Говор русских поселений на Буковине, Днепропетровск, 1960; М. А. Новгородов, Говор русского старожильского населения Дагдского р-на Латвийской ССР, Даугавпилс, 1958; В. Н. Немченко, Говор русских старожилов Йонавского района Литовской ССР, Вильнюс, 1961.

² Например: Б. А. Моисеев, Словарный состав говора села Саратовки в Чкаловской обл. К вопросу о развитии лексики одного из южно-русских говоров в инодиалектном и иноязычном окружении, Москва, 1956; М. Г. Свиридова, Орловские говоры в Новосибирской области, Томск, 1953 и др.

1. Сохранение в говоре старых явлений, охватывающих все или отдельные уровни языка;

2. Определение места среди матриархальных диалектов путем языкового доказательства, если исходная территория не известна;

3. Взаимоотношение между островным говором и одноименным литературным языком;

4. Взаимоотношение между островным говором и литературным языком окружающего населения;

5. Появление новых особенностей в сравнении с исходным говором: а) новые особенности, обусловленные иноязычной (инодиалектной) средой, и б) новые особенности, развившиеся в говоре независимо от иноязычной среды.

Конкретные условия существования изолированного говора всякий раз определяют уклон в сторону решения тех или иных вопросов и, несомненно, выдвигают новые вопросы.

В работах, посвященных изучению говоров в иноязычном окружении, внимание уделяется прежде всего изучению сохранившихся старых явлений. Условия иноязычного окружения, изолированность говора от влияния близких ему говоров, а подчас и литературного языка содействуют сохранению в таких говорах различных архаических черт, особенно в фонетико-морфологической и синтаксической системе говора. Так говор русских поселений на Буковине, в течение 175 лет находящийся среди украинских молдавских и румынских поселений, сохранил свой ярко выраженный южно-русский характер³. Русские говоры в Армянской ССР хорошо сохранили не только диалектные особенности вообще, но и внутренние различия, связанные с историей поселения их носителей⁴. В русских говорах на территории Литвы, помимо других особенностей, широко сохранились и синтаксические конструкции, которые были характерны для древнерусского языка⁵.

Меньшая устойчивость архаических диалектных явлений отмечается авторами работ для русских говоров в инодиалектном окружении русского языка⁶. Взаимодействие разных говоров одноименного языка в условиях непосредственного контакта способствует смещению, нивелировке их особенностей.

Во многих работах по изучению говоров в условиях изолированности (особенно в работах 1951—1955 гг.) на первое место выступает исходное положение о господстве „единого национального языка, как высшей формы, которой подчинены диалекты, как низшие формы“, о „перемалывающем“ воздействии литературного языка на говоры, а в выводах в то же время подчеркивается подчас удивительная устойчивость грамматического строя,

³ В. И. Столбунова, указ. соч.

⁴ С. Б. Тошьян, указ. соч.

⁵ См. О. Шулене, К вопросу о беспредложных сочетаниях в русском говоре Зарасайского района Литовской ССР, настоящий сборник, стр. 15—35.

⁶ См. М. Г. Свиридова, Орловские говоры на территории Кыштовского р-на Новосибирской обл. Автореферат, Томск, 1953.

фонетической системы изолированных говоров⁷. По-видимому, необходим более дифференцированный подход к решению этого вопроса. Всегда ли в исчезновении какого-нибудь явления в изолированном говоре повинно влияние литературного языка? Так в указанном автореферате М. Г. Свиридовой тот факт, что в современных говорах Орловской области некоторые диалектные черты более устойчивы, а в переселенческих орловских говорах в Сибири они спорадичны, объясняется прежде всего влиянием литературного языка на эти последние.

Неоспорима правомерность постановки вопроса о влиянии одноименного литературного языка на изолированные говоры, но при этом прежде всего следует учитывать конкретные условия существования изолированного говора. Учет степени изолированности обязателен для правильной постановки вопросов и задач при исследовании подобных говоров. В связи с этим сам термин „изолированный“ кажется неточным, вводящим в заблуждение. Не ясно, какая изолированность имеется в виду: территориальная или языковая.

В связи с тем, что русский язык стал межнациональным для народов, населяющих Советский Союз, условность термина „изолированный“ в отношении русских говоров на территории национальных республик выступает особенно ясно, потому что русский язык и именно литературная его форма имеет доступ через школу, кино, радио, печать и т. п. „Изолированный“ можно употреблять с полным на то основанием в отношении территориальной и языковой изолированности. Ср., например, условия существования русских говоров в Литве, для которых изолированность не языковая (они не ограждены от воздействия русского литературного языка не только в Советскую эпоху, но не всегда были ограждены от него и в историческом прошлом), а территориальная (изоляция от континента русского языка), и условия существования литовского говора в Белоруссии (дер. Мальковка, Мстиславльский р-н Могилевской обл.), русских говоров липован на территории Румынии (особенно до 1944 г.), польского говора в Вилянском р-не Латвийской ССР и т.п.

Более широким и следовательно правомерным с этой точки зрения для большего количества говоров в иноязычном языковом окружении является термин „островной“.

Ввиду сказанного, совершенно обоснована постановка вопроса некоторыми исследователями о влиянии русского литературного языка на островные говоры. См., например, статью М. С. Тихомировой „О некоторых особенностях сближения южнорусского говора с русским литературным языком в иноязычной среде“⁸, где влияние литературного русского языка на говор рассматривается как очень сложный и медленный процесс, по-разному охватывающий явления разных уровней языка и разные поколения носителей говора.

⁷ См., напр., М. Ф. Моисеенко, Русские говоры восточной части Марийской АССР. Автореферат, Казань, 1953, стр. 16—17.

⁸ Ученые записки Львовского Госуниверситета, Вопросы русского языкознания, кн. 4, Львов, 1960.

Без учета степени и характера изолированности говоров нельзя правильно решить вопросы о влиянии нормированного языка, о дальнейших изменениях в развитии говора в иноязычной среде. Все изменения, за исключением вызванных влиянием окружающего языка, будут объясняться воздействием литературного языка или совсем не будут учтены.

* * *

Для правильного понимания устойчивости диалектных явлений и влияния нормированного языка и окружающей среды также важно иметь в виду генетическую и типологическую близость окружающих языков и диалектов.

В тех случаях, когда русские говоры оказываются в разноязычной среде в которой имеются и близкородственные языки или диалекты, больше всего влияние проявляется со стороны этого родственного языка или диалекта. Так южнорусский говор в Велико-Михайловском р-не Одесской области, кроме украинского языка, длительное время соприкасался с молдавским и немецким языками, но больше всего сказалось влияние со стороны родственного украинского языка⁹. Такое же влияние со стороны украинского языка отмечено и для другого русского говора на территории Одесской области¹⁰, а также говора русских поселений на Буковине¹¹. Наличие сходных или одинаковых явлений в окружающем языке или диалекте нередко способствует сохранению диалектных явлений, их устойчивости. Так, вероятно, окружение чувашского языка поддерживающе влияло на сохранение звонкости согласных в конце слов и развитие протетических гласных перед плавными в русских говорах в Чувашской АССР¹². Пестрое иноязычное окружение поддерживало, как отмечает А. И. Иванова, разнообразие и продолжительность сохранения целого ряда фонетических явлений в русских говорах Енисейского района¹³. В русских говорах Армении поддерживающее влияние иноязычной среды отчасти сказалось в том, что даже учащаяся молодежь произносит г фрикативный, т. к. в звуковой системе местных языков имеется звук, подобный фрикативному г русских говоров¹⁴.

Несомненно, еще большее влияние на сохранение некоторых диалектных особенностей в островном говоре может оказывать родственная языковая среда. Стойкость фрикативного г и губно-губного в в южнорусских гово-

⁹ См. М. С. Тихомирова, О характере лексических заимствований в говоре села Большого Плоского Велико-Михайловского района Одесской области, там же (см. сноску 8).

¹⁰ См. Л. Я. Усачева, К истории курского говора на территории Одесской области. Автореферат, Харьков, 1959.

¹¹ См. В. И. Столбунова, Говор русских поселений на Буковине. Автореферат, Днепропетровск, 1960, стр. 17—18.

¹² См. Ю. Ф. Романова, Говор русских селений Заводского сельсовета Чебоксарского района Чувашской АССР. Автореферат, Казань, 1954, стр. 17.

¹³ А. И. Иванова, Старожильческий говор северозападной части Енисейского района Красноярского края. Автореферат, Москва, 1961, стр. 16.

¹⁴ С. Б. Тошьян, Русские говоры в Армянской ССР. Автореферат, Москва, 1954, стр. 15.

рах отмечалась и раньше, однако вполне справедливо предполагать, что для русских говоров в украинской среде она обусловлена этой последней¹⁵.

Наличие одинаковых явлений в островном говоре и родственном окружающем языке или говоре иногда затрудняет решение вопроса о происхождении этого явления в островном говоре: заимствованно ли оно или исконно для него. В русском говоре с. Большое Плоское Одесской области глагол *благодарить* управляет дательным падежом, глагол *скучать* — творительным падежом с предлогом *за*¹⁶. Можно легко предположить, что такое управление заимствовано из украинского языка¹⁶, однако его находим и в русских говорах в Литовской ССР, где управление дательным падежом для глагола *благодарить* также сохраняется¹⁷ и, по-видимому, поддерживается литовским языком, в котором соответствующий глагол также управляет дательным падежом (*dékoti kam*). Изолированность этих двух разных говоров (русского говора южного типа в Одесской области и русских говоров, исходной территорией для которых предполагается главным образом Псковская и Новгородская области), а также наличие сходных явлений в окружающих, хотя и разных, языках и содействует устойчивости в них этой синтаксической особенности. Литовский язык, вероятно, оказывает поддерживающее влияние и на другие конструкции, напр., на конструкции типа: *Здесь есть таких стариков* (ср. литов.: *Čia yra tokių senelių*), *мне голова болит* (ср. литов.: *Man galva skauda*). Они отмечены во всех русских говорах Литвы, откуда имеются записи.

* * *

Большое внимание при изучении говоров в иноязычном (инодиалектном) окружении уделяется новым явлениям в говорах, возникшим за время их изолированного существования. Но в числе этих новых явлений обычно рассматриваются только те, которые являются ярким свидетельством иноязычного влияния. Безусловно, такое изучение очень интересно и всячески оправдывает себя. Однако не менее интересно выявить и изучить и те сдвиги и изменения, которые нельзя отнести за счет иноязычного влияния, носят внутренний характер. Если иноязычное влияние прежде всего сказывается на лексике островного говора, то для изменений внутреннего характера вряд ли следует предполагать такое ограничение. Хотя в работе о русских говорах в Литве указывается, что изменения внутреннего характера в исследуемом говоре „наблюдаются и исключительно (подчеркнуто нами — М. С.) в словарном составе говора“¹⁸. Эти изменения квалифицируются как многочисленные случаи изменения значений слов. И всё же можно ставить под сомнение отсутствие внутренних сдвигов, изменений в этих говорах, помимо отме-

¹⁵ См. М. С. Тихомирова, О некоторых особенностях сближения южнорусского говора с русским литературным языком в иноязычной среде, там же (см. сноску 8) стр. 168.

¹⁶ См. М. С. Тихомирова, указ. соч., стр. 169.

¹⁷ В русских говорах Литовской ССР глагол *благодарить* управляет, кроме того, и винительным падежом.

¹⁸ См. В. Н. Немченко, Говор русских старожилов Йонавского района Литовской ССР. Канд. диссертация, Вильнюс, 1961, стр. 235.

ченных изменений в их лексике. Правда, русские говоры в Литовской ССР не изолированы от влияния нормированного русского языка, и, возможно, это препятствует появлению в них внутренних изменений на других уровнях. С другой стороны, можно предполагать, что появлению их и обнаружению мешает также близкое родство соседящих языков и диалектов (польского, белорусского).

Материал литовского островного говора, 80 лет находящегося в белорусском языковом окружении в полной изолированности от влияния литературного языка, а также других литовских говоров¹⁹, свидетельствует о том, что помимо внешних изменений (заимствований, гибридов, кáлек), вызванных иноязычной средой, сказавшихся главным образом на лексике говора, в нем довольно заметны другие изменения, которые нельзя отнести за счет влияния белорусского языка. Это касается не только лексического состава говора, но и его фонетики, морфологии. Здесь имеют место изменения в сторону изживания некоторых диалектных явлений, их упрощения. В качестве примера можно указать на исчезновение дзуканья (перехода $\check{c} (*tj) > c$, $d\check{z} (*dj) > dz$ перед i, i, u, ie) в этом говоре при наличии внешне близкого явления в белорусском языке — дзеканья и цеканья. Дзуканье здесь, не передавшись другим поколениям, уже спорадически встречается и у старших представителей, уроженцев говора-источника (окрестности м. Линкмянис, Лит. ССР). В то время как в последнем, на территории Литвы, несмотря на влияние литературного языка, оно известно больше. В островном говоре известны только две формы иллятива имен существительных множественного числа: *miškúosna*, *miškúos*, в говоре-источнике иллятив представлен тремя формами: *miškúosan*, *miškúosnan*, *miškúosna*. Нет оснований предполагать, что первоначально таких форм не знал островной говор. Форма повелительного наклонения с формантами *-ai*, *-u* (*sáikai*, *stovú*), выражающая безотлагательную реализацию действия, известна и изолированному мальковскому говору, однако встречается реже и образуется от более узкого круга глаголов. Также шире в материковом говоре наблюдается произношение краткого гласного в окончаниях 3-го лица будущего времени глаголов на *-ét*, *-ot* (*galàs*, *padès*). В изолированном говоре такое произношение спорадически встречается только у стариков. Показательным в этом плане также является „затухание“ такой диалектной особенности как произношение сочетаний согласных с *j* (*bj*, *pj*, *tj*, *vj*) в данном островном литовском говоре. Для всех носителей говора здесь они сохранились только в начале слова (*bjaugùs*, *spjáut*, *pjáut*), за исключением слова *labjaũ*. В других позициях в слове (напр., *kirvjũ*, *lierjaũ*) они все реже и реже произносятся и старшими представителями говора. В соответствующем материковом говоре эти сочетания сохранились во всех позициях в слове, хотя они и более характерны для старшего поколения²⁰. Подобные примеры более слабого проявления не-

¹⁹ Подробнее об этом говоре см. М. К. Киндурис-Сивицкене, Литовский говор в белорусском окружении (Говор дер. Мальковка в БССР), Ленинград, 1956.

²⁰ См. J. Kardelytė, Linkmenų tarmė. Канд. диссертация, Вильнюсский гос. университет, 1961, стр. 60.

которых диалектных особенностей в изолированном от воздействия литературного языка говоре можно еще продолжить.

Такие изменения в области некоторых диалектных особенностей говора в иноязычном окружении, не испытывающего влияния литературного языка, очевидно, не следует рассматривать отдельно от состояния других его явлений, не имеющих узко-диалектного характера.

* * *

Изучения островных говоров какого-нибудь языка является частным вопросом проблемы внутрирегионального языкового контактирования. Небольшие, а иногда и недавно возникшие языковые острова представляют собой как бы лабораторию с ускоренным процессом изменений под влиянием окружающего языка и внутренних изменений, непосредственно не обусловленных иноязычным окружением. Быстроту этих изменений при полной изолированности островного говора от одноименного литературного языка и соответствующих говоров следует связывать, на наш взгляд, и с размерами территории острова и с количеством носителей говора.

Как указывалось выше, наблюдение над островным литовским говором в белорусской языковой среде показывает, что в нем в сравнении с говором-источником есть изменения в рамках общих явлений для обоих говоров. Общие для обоих (островного и матриархального) диалектные явления в последнем проявляются шире и разнообразнее, несмотря на условие влияния литературного языка. По-видимому, влиянию литературного языка противодействует континентность (большая территория говора, наличие близких соседящих говоров и т. п.). Этим, вероятно, и следует объяснить неодинаковую сохранность диалектных явлений в орловских говорах на территории Кыштовского района Новосибирской области и в соответствующих говорах Орловской области (от которых первый откололся)²¹. В говорах Орловской области некоторые диалектные черты более устойчивы, а в переселенческих орловских говорах в инодиалектной среде они менее устойчивы, спорадичны. В данном случае эта неодинаковая сохранность диалектных явлений в обоих говорах имеет место при наличии одинаковых условий для влияния литературного языка.

Чем меньше количество говорящих на островном, изолированном говоре, тем беднее проявление языковых особенностей, тем реже и скуднее их воспроизведение. В небольшом изолированном коллективе и индивидуальные речевые особенности могут иметь большее значение для сохранения особенностей говора вообще, т.к. „язык такая сущность, способом существования и проявления которой является речь“²².

Это не говорит о неустойчивости островных говоров вообще. Как известно, все исследователи отмечают особенную устойчивость таких говоров, сохранность в них, несмотря на длительное изолированное существование, диалектных явлений и явлений, не носящих узкодиалектного

²¹ См. М. Г. Свиридова, указ. соч.

²² Т. П. Ломтев, Язык и речь. Вестник Московского Университета, серия VII, филология, журналистика, 4, 1961, стр. 68.

характера, которые вместе и составляют основу говора. Например, русский говор на Буковине, носители которого 175 лет живут среди украинских, румынских и молдавских селений, до сих пор сохранил свой исконно русский характер²³. Именно сохранение таких особенностей и определяет характер островного литовского говора в БССР. Среди них находим целый ряд таких явлений, которые в матриархальном говоре носят уже реликтовый характер, например, четкое различие значений глагольных приставок аџ- (аџу-) и уџ- (уџ-), особенности употребления некоторых предлогов и т.д.

Несмотря на иноязычное окружение и условия двуязычия, основа этого говора не поколеблена. 80 лет изолированного существования — слишком небольшой срок для этого. Билингвизм его носителей заключается в необходимости слышать и общаться на белорусском языке (местной разновидности) с окружающим белорусским населением, а не в двуязычном общении между собой. В общении с жителями своего села, своей семьи употребляется только литовский язык. Многие старшие представители говора (особенно женщины) белорусским языком владеют плохо. В таких условиях основа этого литовского говора сохранится очень долго.

Изучение островных говоров требует охвата большого количества вопросов и учета целого ряда конкретных условий их существования и прежде всего степени изолированности от влияния соответствующего нормированного языка и характера языкового окружения. Только в этом случае возможно правильное определение внешних и внутренних изменений, происходящих в них.

Vilniaus valstybinis V. Kapsuko v.
universitetas
Rusų kalbos katedra

Įteikta
1962 m. spalio mėn.

²³ См. В. И. Столбунова, указ. соч., стр. 18.